

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Диета против
пистолета

Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Диета против пистолета

«ЭКСМО»

2005

Александрова Н. Н.

Диета против пистолета / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2005 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Большой поклонник прекрасных дам, женатый четвертым браком на своей второй супруге, Илья Цыпкин пригласил в ресторан бывших одноклассниц Надежду Лебедеву и Аллу Тимофееву. Во время ужина кто-то позвонил ему на телефон, он ненадолго вышел и... пропал. Обиженные подружки еле наскребли денег, чтобы расплатиться за богатое угощение, и страшно обиделись на Люську – так они еще со времен школы звали Илью, с которым были, что называется, не разлей вода. Однако когда на следующее утро Надежде позвонила взволнованная жена Ильи и сообщила об исчезновении Цыпкина, детектив-любитель понял: случилось нечто серьезное. С трудом убедив Аллу помочь бывшему однокласснику, Надежда вновь втянула подругу в опасное расследование... Книга также выходила под названием «Две дамы на гвинейской диете».

© Александрова Н. Н., 2005

© Эксмо, 2005

Наталья Александрова

Диета против пистолета

В оформлении обложки использована работа художника *В. Остапенко*

© Александрова Н. Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Звонок телефона раздался, как всегда, вовремя – у надежды руки в муке и сковородка перекалилась на огне. Она понеслась на поиски трубки, ее не было на обычном месте. Надежда заметалась, в это время из кухни донесся сильный запах чада, она махнула рукой и понеслась обратно. Телефон обиженно умолк.

В кухне стоял синий дым коромыслом, а на разделочном столе сидел огромный рыжий котяра и поедал из миски фарш, приготовленный для котлет.

– Мерзавец! – взвыла Надежда. – И когда ты только успел?

Действительно, минуту назад Надежда видела кота на балконе, он примостился между ящиков с цветами и умильно поглядывал на птичек. Увидев разъяренную Надежду, кот не спеша спрыгнул со стола, при этом вся кухня вздрогнула, а в буфете зазвенела посуда. Надежда искала полотенце, чтобы отлупить животное, но сковородка сильно чадила, так что пришлось заняться ею. Увидев Надежду со сковородкой, кот успокоился: он боялся, только если видел в руках у разъяренной хозяйки полотенце, газету или одну домашнюю тапочку.

Надежда включила вытяжку и плюхнула на сковороду шесть комочков фарша. И тут телефон зазвонил снова. Надежда поглядела на кота. Тот отвел глаза и сделал вид, что рассматривает что-то интересное на потолке.

Надежда показала ему кулак и убрала миску с оставшимся фаршем в холодильник. Кот резко поскуучнел – холодильник он открывать пока не умел. Телефон затрезвонил резко и требовательно, и Надежда отправилась на поиски. Она шла по звуку, недоумевая, кто это такой упорный, в глубине души зная ответ. И, разумеется, не ошиблась.

Звонила закадычная подруга Алка Тимофеева. Надежда с Алкой дружили уже столько лет, с первого класса школы, что сами запутались в подсчетах. Виделись они нечасто, но Алка могла позвонить в любой момент и начать разговор с того места, где прервались в прошлый раз. В этот раз, однако, у Алки были новости – Надежда поняла это по звонку.

– Ты не представляешь! – начала Алка, не утруждая себя приветствием, так как знала, что, кроме Надежды, трубку снять некому. – Ты не представляешь, куда мы с тобой идем послезавтра!

– И куда? – осторожно спросила Надежда.

– В ресторан «Домино», на встречу с одноклассниками.

– С чего это вдруг? – удивилась Надежда. – Лето, время совершенно неподходящее...

– Ну, Надежда, ты вечно всем недовольна! – тут же вскипела Алка. – Все организовали, тебе только прийти, так ты и то ворчишь!

– Да я ничего, – опомнилась Надежда, – все же с чего такая спешка?

– Ой, да это Ленка Саватеева, – тут же раскололась Алка, – приехала из Венгрии и захотела нас всех видеть.

Их одноклассница Ленка Саватеева в незапамятные времена, чуть ли не сразу после школы, вышла замуж за венгра и с тех пор так и обреталась в Будапеште.

– С чего это ей приспичило? – не унималась Надежда. – Да она из своей Венгрии в год по четыре раза сюда катается!

– Я тоже удивилась, только меня Сонька просветила, – призналась Алка. – Она, Ленка-то, пластическую операцию сделала, вроде бы чуть не в Швейцарию ездила, морду лица подтянула, так что желает нам показаться во всей красе, пока все снова не обвисло.

– Ну надо же, – протянула Надежда, – интересно как... Прямо зависть берет... морщин небось нету...

Алка такой разговор не поддержала, Надеждины сожаления не вызвали в ее душе никакого отклика. У Алки Тимофеевой морщин не было. У нее вообще нигде ничего не висело, кожа была натянута и заполнена самой Алкой. Алка очень себя уважала и придерживалась мнения, кстати, весьма распространенного, что хорошего человека чем больше, тем лучше. Ее и было многовато, только Алка так не считала. Еще она любила одеваться во все яркое – если костюм, то красный, если платье, то в крупных цветах или горохах.

– Короче, не забудь: послезавтра в шесть часов, ресторан «Домино» на Мойке.

– Я, наверное, не смогу... – неуверенно проговорила Надежда. – Саша улетает в командировку...

– Ну, я сейчас прямо не знаю, что сделаю! – Алка, как всегда, завелась с пол-оборота. – Сама же говорила, что самолет улетает в пять часов! Проводишь своего муженька – и немедленно дуй в ресторан! За час как раз успеешь доехать! Что у тебя – семеро по лавкам, что ли?

Действительно, у Надежды в этом смысле все было в порядке. Ее дочка Алена жила в далеком городе Северодвинске с мужем, военным моряком, и Надеждиной внучкой Светланкой. Муж Надежды Сан Саныч был человеком серьезным и много работал. Послезавтра он улетал в командировку на неделю, и Надежда собиралась поехать к матери на дачу – ягоды поспели. Но к матери можно и не сразу. Так что дома по лавкам Надежду ожидал один только кот Бейсик, но с этим рыжим негодяем будет отдельный разговор по поводу съеденного фарша. Тут Надежда спохватилась, что котлеты на плите, и мигом прервала разговор.

Котлеты слегка пригорели, кот с холодильника поглядывал на хозяйку с явным злорадством.

– На дачу тебя отвезти и там вообще не кормить, чтобы мышей ел! – пригрозила Надежда.

«Нашла дурака!» – кот мигнул зелеными глазами и отвернулся; мышей он ловил с удовольствием, но никогда не ел, считая мышиную охоту чем-то вроде фитнеса или аэробики.

Весь вечер Надежда была рассеянна, так что муж даже обиделся, когда она пару раз ответила ему невпопад. Вечером она критически обзрела свое лицо в зеркале и осталась очень недовольной. С таким лицом только на рынок ходить или в жилконторе за справками стоять. Можно еще в районную поликлинику на прием к участковому терапевту... Морщинки вокруг глаз, да и в самих глазах никакой радости... Может, права Алка, и нужно меньше думать о других и больше – о себе? И не обращать внимания на мелкие повседневные неприятности... Надежда приободрилась и решила перед рестораном сходить в парикмахерскую. Однако настоящий удар поджидал ее утром, когда она решила померить нарядный летний костюм, в котором собиралась идти в ресторан.

Костюм был цвета спелой рябины, Надежда купила его в прошлом году и этим летом еще ни разу не надевала. Она полюбовалась на костюм и решила примерить с новыми туфлями. И тут-то судьба и поднесла неприятный сюрприз. Жакет оказался узок в груди, а юбка не застегивалась на поясе. Надежда была в шоке. Вроде бы за зиму она почти не поправилась – и вот поди ж ты... Она кинулась к весам... – не может быть!

– Этого просто не может быть! – громко простонала Надежда, с ненавистью глядя на цифры.

Она злобно пнула весы ногой и плюхнулась на диван. Вот тебе и здоровый образ жизни! Хорошо, что никто никогда не узнает результатов взвешивания!

И снова раздался телефонный звонок, это Алка интересовалась, что Надежда в данный момент делает.

– Не спрашивай! – вздохнула Надежда.

Алка тогда немедленно спросила о другом – есть ли у Надежды что-нибудь пожевать, потому что она, Алка, с утра бегала по магазинам и ужасно голодная.

– Я вообще больше есть не буду! – трагическим голосом сообщила Надежда. – Но ты заходи, а то у меня трагедия!

– Чудно! – обрадовалась Алка. – А я как раз платье новое купила, чтобы завтра на встречу идти!

«Я себе представляю, – подумала Надежда, – небось, на белом фоне – крупные красные розы!»

Алка положила в чай три ложки сахара и откусила от огромного бутерброда с котлетой. Надежда пила жидкий зеленый чай и злилась на себя за то, что не хватает силы воли похудеть, на мужа, который в свои пятьдесят пять лет худощав, подвижен и подтянут, на Алку – за то, что лопает свои бутерброды без зазрения совести на глазах у голодной подруги, и на Ленку Саватееву, которой приспичило делать пластическую операцию и красоваться перед одноклассниками именно сейчас, не раньше и не позже. Если бы не этот чертов ресторан, Надежда не померила бы костюм и не расстраивалась бы сегодня. А там бы, может, похудела и костюм снова сидел отлично... Но так, к сожалению, не бывает.

– Это порочный метод! – заявила Надежда.

– Что? – Алка чуть не уронила кусок котлеты, но вовремя его подхватила. – Что ты смотришь на меня голодными глазами, аппетит только портишь!

По радио на ретроканале пела Пугачева, и Алка отвлеклась.

– Алка, я не влезаю в нарядный костюм! – покаялась Надежда. – Это ужасно!

– Да ну? – удивилась Алка. – С чего это тебя так разнесло?

– Уж кто бы говорил! – мгновенно озверела Надежда, она и так с утра была на взводе. – На себя посмотри!

– Я в норме! – Алка пожала плечами и потянулась за следующей котлетой.

– Мы должны немедленно сесть на диету! – не унималась Надежда.

– Да я-то тут при чем? – открестилась Алка. – И вообще, Надька, ты все слишком драматизируешь. Ну подумаешь, костюм мал! Так купи новый!

– Вот я и говорю, что это порочный метод! – втолковывала Надежда. – Станет мала вещь – тут же покупать другую на размер больше!

– Я всегда так делаю! – Алка пожала плечами.

– Оно и видно... – усмехнулась Надежда.

Они уставились друг на друга очень серьезно, потом Алка, решив не ссориться, потому что тогда Надежда может не дать сладкого, отвернулась и начала подпевать своей тезке:

– Миллион, миллион, миллион алых роз...

– Вот, кстати, о розах, – оживилась Надежда, – покажи новое платье.

Алка уединилась с пакетами в ванной и вскоре появилась в новом платье. Надежда ошиблась – платье не было белым в красных розах, оно было красным, а узор напоминал сломанные пружины, выпавшие из старого кресла.

– Ну как? – спросила довольная Алка.

Надежда онемела.

– Ты будешь хвалить или нет? – рассердилась Алка. – Хоть бы из вежливости пару слов сказала...

– Ну-у... – замялась Надежда. – Платье вполне в твоём духе, только пружин слишком много помещается на таком большом пространстве...

– И вовсе это не пружины, а китайский иероглиф «сюнь»! – обиделась Алка. – Девушка сказала, что он означает решительность, упорство и умение добиваться своей цели во что бы то ни стало. Как раз про мой характер. Я и взяла платье. Опять же цвет приятный для глаз.

Надежда отвернулась, чтобы скрыть улыбку. Алка в своем репертуаре! Назвать ярко-красный цвет приятным для глаз может разве что бык на корриде.

– Очень хорошо, что ты купила китайское платье, – примиряюще сказала Надежда. – И кухню китайскую тоже любишь?

Алка вообще любила покушать, так что на Надеждин вопрос ответила положительно.

– Вот я тут вчера в Интернете нашла замечательную китайскую диету, – с воодушевлением начала Надежда, – обещают потрясающие результаты всего за неделю! Значит, есть можно без ограничений...

– Что ты говоришь? – заинтересовалась Алка.

– Только соевые ростки, веточки бамбука и китайскую капусту! – выпалила Надежда. – Все без масла и соли!

Алка уперла руки в боки и шагнула к Надежде с самым угрожающим видом:

– Ты издеваешься надо мной, что ли? По-твоему, я травоядное?

– Алка, зато похудеем! – воззвала Надежда.

– Что ж тогда коровы не худеют, хотя они одну траву едят? – ехидно спросила Алка.

– Как хочешь, – обиделась Надежда.

После этого Алка допила чай и засобиралась домой. У нее-то как раз дома были семеро по лавкам: муж, двое взрослых сыновей, кошка, попугай, рыбки и овчарка Дик. Собаку эту Надежда подсуропила Алкиному семейству буквально несколько месяцев назад. Дик остался без хозяина, Алка сначала страшно ворчала, она говорила, что от животных и так в доме прохода нет, но Алкин муж Петюнчик, как звали его все друзья и знакомые, страшно привязался к собаке, так что Алке пришлось покориться. Таким образом, ее авторитет в доме малость пошатнулся, но это, пожалуй, и к лучшему, думала Надежда, а то Алка чересчур привыкла командовать. И работа ее этому способствовала – Алка уже много лет трудилась в школе завучем старших классов. В школе ее боялись больше, чем директора.

Ценой титанических усилий Надежде удалось за полтора дня немного похудеть. Жакет от костюма сидел теперь неплохо, а пуговицу на юбке она переставила, ругая себя за путь наименьшего сопротивления.

Самолет, которым улетал Сан Саныч, разумеется, задержали, и Надежда примчалась в ресторан «Домино» с опозданием на час. Все уже были веселые и встретили Надежду шумными приветствиями. Народу было немного, человек двенадцать, – понятное дело, лето, кто в отпуске, кто на даче, кого вообще не смогли найти.

«Гвоздь программы» Ленка Саватеева выглядела так хорошо, что Надежде пришлось сделать усилие, чтобы улыбка ее не смотрелась кривым оскалом. Одета Ленка была подчеркнуто скромно, чтобы взгляд останавливался прежде всего на лице.

«Да она моложе нас всех лет на двадцать!» – мелькнула паническая мысль, но Надежда мысленно призвала себя к порядку.

По сравнению с Саватеевой остальные одноклассницы смотрелись грустно. Но одеты все были отлично. На Светке Малининой было открытое платье, на Соньке Бломберг – шикарный палевый костюм, очень выгодно оттенявший ее смуглую кожу и темные волосы. Надежда порадовалась, что нашла в себе силы впихнуться в свой парадный туалет, – хороша бы она была сейчас в простом платье! Хотя Алка как раз чувствовала себя прекрасно. Она ела, пила и разговаривала преувеличенно громко – профессиональная привычка педагогов со стажем.

Понемногу разговоры пошли на отвлеченные темы. Кто-то вспоминал золотые школьные годы, кто-то рассказывал о детях.

– Я – крупнейший производитель картонной упаковки на Северо-Западе! – разливался Славик Мухин.

Собственно, называть Славиком этого дородного краснолицего мужика с круглой плешью, в которой отражалась хромированная люстра в стиле хай-тек, было как-то странно. Надежда вспомнила, как Алка в третьем классе принесла в портфеле белую мышь, эта мышь удрала и во время урока залезла в карман к Славику. Вот было визгу! Вспомнив этот замечательный эпизод, Надежда громко прыснула.

– У меня в фирме работает столько людей! – продолжал Славик, недовольно покосившись на Надежду.

– Тридцать пять тысяч одних курьеров! – вполголоса проговорил, подсев к ним с Алкой, Илюша Цыпкин.

В далекие школьные времена он был у них с Алкой вроде третьей подружки, они даже называли его не Илюшей, а Люськой. Характер у него был легкий, жизнерадостный, любимая поговорка – «Всегда готов!».

Правда, он вкладывал в этот пионерский слоган новое содержание.

Спросишь его: «Люська, дашь списать алгебру?» – «Всегда готов!»

Предложишь: «Люська, пойдем вместо русского в кино?» – «Всегда готов!»

Чаще всего они ходили в «Родину», она так и называлась – «Родина всех прогульщиков». Там они первый раз посмотрели «Фантомаса». Люська потом говорил, что смотрел этот фильм двадцать четыре раза, сама Надежда – всего двенадцать раз, Алка – и то больше, четырнадцать.

Ленка Саватеева громко смеялась, поворачивая к свету свое гладкое лицо, отполированное в швейцарской клинике. Надежда все никак не могла привыкнуть и смотрела на нее с нехорошим чувством: вот ведь, лет Ленке точно столько же, сколько им с Алкой, а как выглядит! Вот что значит хорошие условия жизни и большие финансовые возможности!

Алку, похоже, внешний вид одноклассницы нисколько не волновал. Она сцепилась языками с Таней Булкиной, которая, как оказалось, тоже работает в школе. Они взволнованно обсуждали проблемы успеваемости и какую-то зловредную начальницу из городского отдела образования, от которой никому в городе житья нет.

Из соседнего зала доносились громкие голоса пьяных шведов, давно облюбовавших этот небольшой ресторан на Мойке. Чтобы перекричать их, всем приходилось повышать голос. Только Вадик Таранов, которого все в школе называли исключительно Тараканом, вполголоса что-то впаривал Светке Малининой. Светка слушала его благосклонно и краснела, как будто ей снова было семнадцать.

Вдруг Алка взглянула на часы и подскочила как ужаленная:

– Ой, девочки, мне пора бежать! Тимофеев у меня на конференции, а Дик не выгулял!

– А что это у него конференция так поздно заканчивается? – встрепенулся Мухин. – Как в анекдоте – звонит муж домой: дорогая, говорит, я на конференции, у нее и заночую...

– Дурак, у него конференция в Барселоне, – ничуть не обидевшись, ответила Алка.

Алкин муж был замечательным ученым-химиком и так часто ездил на всякие симпозиумы и международные семинары, что это уже перестало для нее быть в новинку.

– Ну вот... – недовольно протянула Саватеева, которая еще не все успела рассказать про свою теперешнюю замечательную жизнь, поскольку Мухин весь вечер никому не давал вставить слова. – Ну вот, тебе какой-то Дик дороже собственных одноклассников! Ты своего Дика видишь каждый день, а со мной сколько лет не виделась?

– Собаку обязательно нужно выгулять, – строгим голосом прирожденного педагога проговорила Алка, – иначе она заболит...

Надежда горячо поддержала ее и сама засобиравшись вместе с подругой, и Люська Цыпкин вышел с ними, по школьной привычке подхватив спутниц под руки.

– Девочки, – он поочередно заглядывал в глаза то одной, то другой, – зайдем еще в одно местечко, посидим немножко втроем, а потом я вас развезу по домам!

– Дик негуляный... – начала Алка.

– Да я же тебя мгновенно довезу! А то мы и поговорить-то не успели! То Ленкину морду разглядывали, то Славка своими упаковочными материалами голову морочил! Ну буквально полчаса!

– Как же ты поведешь? – спохватилась Надежда, когда Люська уже открывал дверцы замечательной машины цвета топленого молока.

Наждедин муж Сан Саныч научил ее различать разновидности машин, и она с тихой гордостью узнала последнюю модель «Вольво».

– А что такого? – удивленно оглянулся на нее Люська.

– Ну, как... ты же пил!

– Ой, я тебя умоляю! Я и пил-то совсем немного, от такой дозы я только увереннее себя за рулем чувствую! А для гаишников у меня всегда деньги есть, они только под козырек возьмут!

Надежда уютно устроилась на мягком кожаном сиденье, Алка с недовольным кряхтением примостилась рядом.

– Ну как, заедем еще в одно местечко? – повернулся к ним Люська. – Совсем ненадолго! Я вас потом развезу! Ну, по глазам вижу, что согласны!

– Ой, Люська, – проворчала Алла, – ты, я смотрю, как в школьные годы – всегда готов!

– И горжусь этим!

Отличная машина плавно рванула с места и буквально через пять минут снова затормозила. Перед стеклянной дверью маячил швейцар в адмиральской форме, слегка оживившийся при виде их теплой компании. Он распахнул перед гостями стеклянную дверь ресторана. Проходя мимо импозантного привратника, Надежда заметила на его щеке шрам в форме пятиконечной звезды и подумала, что он скорее похож не на адмирала, а на капитана пиратской бригадины.

Немногословный метрдотель провел прибывших к угловому столику, исчез в полутьме.

– Но только не заказывай нам ничего, кроме кофе! – поспешно проговорила Надежда.

– И не больше чем полчаса! – подхватила Алла. – Меня Дик ждет!

– Ну разумеется! – Люська вполголоса что-то проговорил появившемуся официанту, тот кивнул и застрочил в книжечке. – Девочки, вы выглядите просто прекрасно! – проговорил Люська, повернувшись к подругам.

– Да брось ты сочинять, – Надежда махнула рукой, – уж ты-то отлично знаешь, сколько нам лет!

– А что? – неожиданно оживилась Алка. – Я считаю, что женщине столько лет, на сколько она выглядит, а я выгляжу... ну, Люська, скажи, на сколько я выгляжу? – и она кокетливо поправила волосы.

– На семнадцать! – мгновенно заявил галантный Цыпкин.

– Да брось ты, – Алка захохотала, – болтун! Лучше скажи, ты все с той же женой? Кажется, она у тебя была третья?

– Нет, девочки... – Люська покаянно склонил голову. – Мы расстались...

– Что, неужели у тебя уже четвертая жена? – в притворном ужасе Алка округлила глаза.

– Нет, я вернулся ко второй...

Эту самую вторую жену Люська встретил, можно сказать, прямо на глазах у Надежды и Аллы. Дело было лет пятнадцать назад, они созвонились и собрались втроем в театр. Однако в антракте Люська на какое-то время исчез, а потом вернулся с горящим взором и заявил:

– Я только что встретил девочку, с которой вместе ходил в детский сад!

Надежда с Алкой переглянулись. Люська извинился перед ними и снова исчез.

Через месяц он позвонил Алке и сообщил, что развелся с первой женой и на днях женится на той самой «девочке», с которой они, по остроумному Алкиному замечанию, сидели на соседних горшках.

– Но это уж навсегда? – осторожно осведомилась Надежда, внимательно оглядев Люську. Приходилось признать, что выглядел он неплохо: немного полноватый, но живой и веселый, хороший костюм, прекрасные черные волосы, густые усы... да, для мужчины пятьдесят лет – это еще не конец жизни... по крайней мере, для некоторых.

– Ну признайся, Люська, – придвинулась к нему Алла, заметив, что он не спешит отвечать Надежде, – небось, уже снова в кого-нибудь влюблен?

– Нет, – Люська комично потупился. – Но всегда готов!

Официант вернулся к столу с подносом, на котором стояли салаты, дары моря и бутылка бордо.

– Мы же сказали – ничего, кроме кофе! – сердито проговорила Надежда.

– Не волнуйся, – отмахнулся Люська, – кофе тоже принесут! Должны же мы выпить за встречу!

– Правда, Надька, не занудничай! – Алла неожиданно встала на Люськину сторону. – Давно же не виделись!

– Но у тебя ведь Дик не гулян...

– А, – Алка отмахнулась, – подождет еще полчаса!

– За вас, девочки! – провозгласил Люська, разлив вино. – За то, чтобы вы всегда были такими же красивыми и привлекательными!

– Так все-таки, – Алка залпом выпила вино и придвинулась к однокласснику, – как получилось, что ты вернулся к своей второй жене?

– О, это такая романтическая история! Только я вас покину на две минуты, а потом все расскажу... – Люська поднялся из-за стола и вполне твердой походкой направился в глубину зала.

Вдруг заиграла какая-то старая пионерская мелодия, и Люська вытащил из кармана мобильный телефон.

– Люська молодец, – проговорила Алла, проводив его взглядом. – Не позволяет возрасту диктовать правила игры!

Выпив, Алла иногда начинала выражаться слишком красиво – в ней поднимал голову преподаватель русского и литературы.

– Но все-таки четыре жены – это слишком! – ответила Надежда, в которой заговорила сторонница семейных ценностей.

– Во-первых, не четыре, а три, – поправила ее Алла, – ведь сейчас он вернулся к своей второй жене, значит, это не считается. А во-вторых, ты ведь сама второй раз замужем!

– Ну, у меня другой случай...

– Почему это другой? Ничего не другой! То есть у каждого человека – другой случай, свой собственный! Давай, выпьем вдвоем за то, чтобы тоже не поддаваться возрасту!

– Мне кажется, нам уже хватит... вон, ты уже заговариваешься!

– Ну, ты зануда, Сергеева! – Алка налила себе и подруге еще вина. – Легче надо к жизни относиться!

– Сергеева? – удивленно переспросила Надежда. – Надо же, а я уже забыла свою девичью фамилию! Только благодаря тебе вспомнила! – И она потянулась к подруге: – Алка, сколько же мы с тобой дружим?

– И не спрашивай! – Алла залпом выпила вино и поставила бокал. – А ты заметила, как Таракан за Светкой Малининой ухлестывал?

– Да, это у него еще со школы... нержавеющейе чувство... Слушай, а что это Люська так долго не возвращается?

– Ну, не знаю, – задумчиво проговорила Алка. – Может, тушь потекла или петля поползла на чулке... Ой! – она растерянно уставилась на Надежду. – Что я говорю? Мне правда больше не нужно пить!

– Да брось ты! Не в этом дело. Просто мы его все время зовем Люськой и относимся к нему как к подружке, вот и забыли, что он на самом деле мужик! Но все-таки, что же он так долго?

Они посидели еще десять минут, перебивая косточки своим бывшим одноклассникам, но Люська все не появлялся.

Наконец перед столиком возник официант и положил счет.

– Вы просили поскорее рассчитать, – пояснил он, как бы извиняясь, и удалился.

– Ох, ни фиги себе! – ужаснулась Алла, заглянув в бумажку. – Какие бешеные бабки!

– Да что же это такое – Люська решил над нами так подшутить? – Надежда приподнялась и поглядела в ту сторону, куда ушел их приятель. – По-моему, приличные люди так не поступают!

– Я пойду погляжу, что там с ним случилось, – решительно заявила Алка, вставая из-за стола. – А ты сиди, а то официант еще подумает, что мы решили сбежать, не заплатив!

– Аллочка, – проговорила Надежда, ей вдруг стало как-то неудобно в этом «милом местечке», как выразился Люська, – только я тебя очень прошу, ты никуда не исчезай, ладно?

– Да куда я денусь! – отмахнулась Алка, направляясь к туалету.

Около двери с изображением мужчины она на секунду задержалась. Однако годы работы школьным завучем не пропали даром, ей неоднократно приходилось врывать в мужской туалет, чтобы пресечь курение и прочие мужские забавы своих учеников.

Распахнув дверь, Алла громко откашлялась и позвала:

– Люська, ты здесь?

Стоявший к ней спиной толстенький дядечка в полосатом костюме бросил через плечо испуганный взгляд, побагровел и, торопливо застегиваясь, неожиданно тонким голосом пискнул:

– Пардон, мадам, вы, кажется, ошиблись дверью!

– Занимайтесь своим делом, гражданин! – осадил его Алка. – Вы же видите – я не к вам!

Она еще раз окинула взглядом помещение и повторила:

– Люська, ну я тебя последний раз спрашиваю – ты здесь?

Толстенький дядечка, у которого даже уши стали свекольного цвета, протиснулся мимо Алки и выскочил из туалета. Из закрытой кабинки донесся жизнерадостный мужской голос:

– Девушка, это у вас такой способ знакомиться? Подождите, я выйду буквально через минуту!

– Зачем же так спешить? – отозвалась Алла и нагнулась, чтобы проверить остальные кабинки.

Кроме любителя неожиданных знакомств, там никого не было. Она развернулась и покинула территорию потенциального противника.

Надежда сидела за столом, нервно комкая бумажную салфетку.

– Ну как? – со слабой надеждой в голосе спросила она подругу.

– Никак! – мрачно ответила Алла. – У тебя деньги есть?

– Очень мало... – растерянно протянула Надежда. – Сейчас посмотрю, помету по сусекам...

– Ну, Люська! – возмущенно проговорила Алка, усаживаясь обратно за стол. – Ну, паразит! Это же надо так подставить! Я ему покажу... замечание в дневник, родителей в школу... да за такое вообще на второй год оставляют!

– Алка, опомнись – ты не у себя в школе!

– Да, действительно. – Алла огляделась по сторонам. – Но все равно, мало ему не покажется!

– Для этого его сначала нужно найти...

– А еще нам нужно расплатиться... – И Алла полезла в сумочку.

Через несколько минут подруги общими усилиями кое-как наскребли необходимую сумму.

– Ну, раз уж мы набрали денег, – жизнерадостно заявила неунывающая Алка, – надо доесть все, что здесь осталось. Не оставлять же это врагу!

– Ты доедай, – отмахнулась от нее Надежда, – а мне кусок в горло не идет. Я все думаю, куда девался Люська...

– Ну и доем, – охотно согласилась Алка и добавила с набитым ртом: – Да не думай про него! Такой же козел, как все мужики! Я думала, он другой, но после сегодняшнего в нем тоже разочаровалась!

– Да уж, – вздохнула Надежда, – а еще говорят, что люди не меняются. Вот Ленка Саватеева, вполне приличная была девка, а теперь... Это же подумать только – специально устроить встречу одноклассников, чтобы перед ними хвастаться! И этот тоже хорош – в такое положение нас поставил! Гад какой!

– Ну, зря ты так! – Алка после еды всегда становилась добродушной. – Люська – он неплохой мужик... А Саватеева просто дура, кстати, всегда такой и была, ничуть не изменилась...

– Неплохой-то Люська неплохой, но как же он мог так нас подставить! Главное, ведь сам нас уговорил сюда зайти, мы не напрашивались, а потом исчез... бросил женщин, можно сказать, в безвыходной ситуации...

– Да встретил, наверное, очередную женщину своей мечты и тут же забыл обо всем на свете! Он же сам только что сказал, что всегда готов влюбиться! Помнишь, как тот раз, в театре, когда он встретил свою будущую вторую жену, – тоже бросил нас...

– Но тогда он нас хотя бы предупредил! А сегодня даже не намекнул! И набрал всего, а платить нам придется...

Словно в подтверждение ее слов возле столика нарисовался официант. На лице у него было вежливо-выжидающее выражение.

Надежда, мучительно краснея, выложила поверх счета все их деньги, высыпав на тощую кучку сотенных и десятков горку монет. Официант удивленно поднял брови, но ничего не сказал, сгреб деньги, брезгливо прикасаясь к монетам, и демонстративно пересчитал. Надежда, спохватившись, сунула ему в руку откатившуюся в сторону пятирублевую монету. Теперь должно было в точности хватить, но сверх счета ничего не оставалось. Официант окинул женщин крайне неодобрительным взглядом и величественно удалился. Остановившись возле метрдотеля, что-то зашептал ему на ухо, косясь на скаредных клиенток.

– Алка, пойдем отсюда немедленно! – прошипела Надежда. – Неужели ты можешь есть в такой обстановке!

– Запросто, – отозвалась подруга, кусочком хлеба подбирая соус. – А что такого? Чем тебе не нравится здешняя обстановка? По-моему, здесь очень мило...

– До чего же ты толстокожая! Ты меня удивляешь! И ведь мы, кажется, собирались сесть на диету...

– С завтрашнего дня! Мы же договорились сегодня не портить праздник, а уж завтра...

– Кроме того, – использовала Надежда последний аргумент, – ты, кажется, торопилась к Диду...

– Ой! – Алка подскочила и уставилась на часы. – И правда! Бедный Дик!

Они поспешно покинули зал под презрительными взглядами персонала.

На улице Надежда мстительно проговорила:

– А денег, между прочим, у нас совсем не осталось! Как будем домой добираться?

– Да ладно, – Алка отмахнулась, – вечно ты из всего делаешь проблемы!

Оглядевшись по сторонам, она добавила:

– Машины Люськиной нет... точно тебе говорю, встретил какую-нибудь девицу и укатил с ней!

– А про нас забыл... свинство какое!

Алла подняла руку. Рядом с ней тотчас же остановился аккуратный черный «Опель», водитель переговорил с Алкой, хлопнул дверью и укатил.

– Ну вот, – пригорюнилась Надежда. – А ты говорила, что не будет никаких проблем!

Только четвертый водитель, тщедушный седенький старичок на раздолбанной «копейке», оказался достаточно сговорчивым. Он доехал до Алкиного дома, Надежда осталась в машине, и через минуту вернулась Алка с деньгами и вконец измученным Диком.

С тех пор как они познакомились, Дик очень любил Надежду, просто обожал. Когда-то у него был хозяин, но того убили, и бедная собака осталась сиротой. Надежда спасла Дика от голодной смерти и пристроила к Алке, потому что ее муж Петюнчик давно хотел собаку. Дик с Петюнчиком отлично ладили, но Надежду Дик встречал, всегда визжа от радости, как щенок. Сегодня же Дик был очень недоволен Алкиным поведением, поэтому приветствовал Надежду с прохладцей, только встал лапами на машину и лизнул ее в щеку. Подруги распрощались, и «копейка», дребезжа и грозя развалиться на части, повезла домой Надежду.

Всю дорогу престарелый автолюбитель изводил пассажирку восторгами по поводу ее подруги.

– Это же надо, какая женщина! Все при ней... таких сейчас редко встретишь, одни, извиняюсь, макаронины и воблы сушеные... а эта подруга ваша, это ведь настоящая фемина! Есть на что посмотреть!

Надежда окончательно разозлилась и дала себе слово, во-первых, принудительно посадить Алку на диету и во-вторых, ни в коем случае не передавать ей слова восхищенного пенсионера.

Дома ее ждал кот Бейсик.

Он сидел в прихожей, прямо против двери, и на его морде было выражение, которое можно было озвучить единственной широко распространенной фразой: «Где это ты шлялась?»

– Нечего так на меня смотреть! – огрызнулась Надежда. – В конце концов, ты мне не муж, и я перед тобой не обязана отчитываться!

Кот посмотрел на нее очень выразительно, и Надежда уверилась, что по возвращении мужа Бейсик все ему немедленно доложит, да еще и от себя присочинит.

В довершение конфликта подлое животное нарочно разложило хвост прямо у нее на дороге, а когда Надежда на него наступила, Бейсик издал такой душераздирающий вопль, что, наверное, перебудил всех соседей.

Утром Надежда Николаевна проснулась от оглушительного трезвона. Спросонья ей показалось, что это снова вопит кот, которому она нечаянно отдала лапу, но тут она окончательно пришла в себя и поняла, что звонит всего лишь телефон.

– Кому это неймется в такую рань? – простионала она, потянувшись за трубкой. Голова болела, во рту было сухо, руки дрожали. Короче, Надежда Николаевна Лебедева, приличная интеллигентная женщина средних лет, маялась самым вульгарным похмельем. – Стыд какой! – вполголоса проговорила она. – Вроде и пила-то совсем немного, и только хорошее вино... Нет, надо с этим совсем завязывать, такие развлечения уже не для меня...

С этими словами она уронила телефонную трубку, сползла с кровати, отыскала трубку и поднесла ее к уху.

– Аллю, – проговорила Надежда, сама не узнавая своего голоса. – Я вас слушаю!

– Что-то у тебя голосок не того, хриплый какой-то, – ехидно сказала Алка в трубку. – Головка не болит?

– Болит, – недовольно призналась Надежда. – А ты чего это в такую рань поднялась?

– Да понимаешь, Тимофеев приучил Дика в семь утра гулять, – призналась Алка, – он его перед работой выводит. Так что я посопротивлялась час с небольшим, а потом пришлось вставать.

Надежда подумала, что не зря она всегда верила в Дика. Поднять Алку с кровати, если не надо на работу – задача абсолютно невыполнимая.

– И вот, пока мы прогуливались, – продолжала Алка, – я все думала...

– Думать полезно, – машинально вставила Надежда.

– И как-то рассердилась я на Люську, – говорила Алка, не обращая внимания на Надеждино плохое настроение, – и решила, что позвоню ему и все выскажу.

– И что? – заинтересовалась Надежда. – Позвонила?

– Могла бы и не спрашивать, – самодовольно заметила Алка, – ты же меня давно знаешь, если я что задумала – то обязательно сделаю.

– Это точно! – не могла не согласиться Надежда.

– Так вот, звоню я по номеру, который Люська в прошлый раз дал, когда мы с ним столкнулись на площади Восстания...

– Как это?

– Ну, я дорогу переходила, а он на машине ехал. Точнее, как раз остановился. Меня узнал, как заорет: Алка! Сколько лет, сколько зим! Но я в Комитет по образованию опаздывала на совещание, так что в машину к нему не села, он только визитку мне сунул и велел звонить.

– Ты мне про это не говорила! – обиженно завела Надежда.

– Значит, забыла. Да я и визитку эту куда-то засунула. А тут с утра она сама вдруг вывалилась, как будто нарочно. Ну, я и решила. Там Люськин мобильный, так вот, отвечают мне, что абонент находится вне зоны действия.

– Да он вообще мог уже номер сменить!

– Допустим. Ну, меня заело, звоню по рабочему. Никто не отвечает. Тогда я по домашнему. Услыхала мужской голос и говорю ему прямо, что, мол, Люська, ты гад ползучий! Что вчера устроил? Совесть, говорю, у тебя есть?

– И что? – Надежда уже примерно представляла, что услышит.

– Как заорет он – телефонное хулиганство! – сообщила Алка. – Я тогда извиняюсь и прошу Илью Цыпкина. А тот тип отчего-то еще больше разозлился и обозвал меня, потом трубку бросил.

– Все ясно, – резюмировала Надежда, – ты попала к Люськиной третьей жене.

– Да нет, голос точно мужской был...

– Ну, она, наверное, снова замуж вышла. Конечно, тот, новый муж про Люську и слышать не желает! Да ты еще небось рано трезвонить начала... Ладно, Алка, может он сам позвонит, когда совесть замучает... – с сомнением сказала Надежда.

И только она повесила трубку, как телефон зазвонил снова.

– Простите, – проговорил довольно холодный и озабоченный женский голос, – это Надя?

– Это Надежда Николаевна! – строго ответила Лебедева, чтобы с самого начала поставить неизвестную собеседницу на место.

К тому же голова действительно болела и совершенно не было настроения болтать по телефону с незнакомыми людьми.

– Простите, – повторила незнакомка, – Илья не называл мне вашего отчества...

– Кто? – удивленно переспросила Надежда.

– Иля! Илья Цыпкин! Я Лена, его жена...

– Ах, вы Люськина жена! – сообразила наконец Надежда. – Которая?

Видимо, похмелье усыпило прирожденное чувство такта.

– Настоящая, – посуровев, ответила собеседница. – В смысле, теперешняя.

– А, так это с вами он ходил в детский сад! – сообразила Надежда и добавила: – Очень приятно познакомиться! Как ваше отчество?

– Это сейчас неважно. – В голосе женщины снова зазвучала холодная заинтересованность. – Я хотела спросить... ведь вы вчера были вместе с Ильей?

– Да... – напряженным голосом ответила Надежда, пытаясь понять, к чему клонит ее собеседница и не собирается ли она с утра пораньше устроить ей сцену ревности. – Мы были вместе на вечере выпускников...

– Да-да, – подхватила Лена, причем в голосе ее не было ни ревнивых, ни враждебных ноток, а только интерес. – Так вот, вы не знаете, куда он после этого вечера отправился?

– То есть как... – Реакция у Надежды Николаевны после вчерашнего притупилась, сообщала она очень медленно.

– Дело в том, что он не вернулся домой, – проговорила Лена весьма сдержанно. – И я бы хотела знать, где он сейчас находится.

– Как... не вернулся? – Надежда очень своевременно закашлялась.

Это дало ей возможность выиграть немного времени и собраться с мыслями. Значит, Люська вчера не вернулся домой! Может быть, действительно встретил новую женщину своей мечты? Или с ним что-то случилось? Как бы не сказать чего-нибудь лишнего!

– Дело в том, – откашлявшись и окончательно взяв себя в руки, заговорила Надежда, – дело в том, что мы... что я... короче, я не видела, когда он ушел. Только что был, и вдруг раз – и нету!

– Да что вы говорите? – В голосе ее собеседницы зазвучали саркастические нотки. – А у меня есть сведения, что из ресторана он ушел с вами и с вашей подругой Аллой Тимофеевой.

«Интересно, откуда у нее эти сведения? – в полном изумлении подумала Надежда. – Похоже, у нее среди наших одноклассников свой засланный казачок. И кто же это?»

– Вы хотите сказать, – ледяным тоном начала она, – что я прячу вашего мужа под кроватью? Уверю вас, его здесь нет!

– Простите! – спохватилась собеседница. – Кажется, я неудачно выразилась. Поймите, я совершенно не ревную, только этого не хватало, просто мне нужно знать, где он сейчас.

Надежда Николаевна почувствовала, что Люськина жена хочет знать не столько, где ее муж, сколько с кем.

– Да я понятия не имею! – рассердилась она.

Ей был очень неприятен этот разговор. Незнакомая женщина звонит и чего-то от нее требует. А она, Надежда, вынуждена оправдываться, хотя совершенно ни в чем не виновата.

– Если хотите знать, ваш муж бросил нас с Алкой в кафе самым свинским образом! – в сердцах заявила она.

– Что вы говорите? – заинтересовалась Лена. – Подробнее, пожалуйста...

Надежда нехотя рассказала всю вчерашнюю историю.

– Ну, я так и знала! – вздохнула Люськина жена. – Была почти уверена, что этот нахал опять свинтил налево, и вы только подтвердили мои догадки.

– Но с чего вы взяли? – фальшиво запротестовала Надежда, сама не зная, зачем она это делает.

– Ну-у, так уже было один раз... Да вы, верно, знаете...

– Без подробностей! – отрезала Надежда. – А кстати, вы не пробовали позвонить мужу на мобильник? Это гораздо проще, чем...

– Чем звонить вам и унижаться? – грустно спросила Лена в ответ. – Я пробовала, но услышала только, что абонент временно недоступен.

– Ну, может быть, батарейка разрядилась...

– Возможно, – согласилась Лена и сухо попрощалась.

Надежда повесила трубку. От разговора остался тяжелый осадок. Казалось бы, с этой Леной Надежда никогда не встречалась, и в будущем, вероятно, им вместе детей не крестить, а отчего-то Надежда чувствовала себе перед ней виноватой. Может быть, следовало поговорить с женщиной полюбезнее, утешить, сказать, что все будет хорошо и Люська непременно вернется или хотя бы позвонит... Но, с другой стороны, черт его знает, куда он подевался! Неужели и вправду свинтил налево? А что, Люська же сам сказал, что он именно сейчас на свободной охоте! Надежда подумала вчера, что он пошутил. В самом деле, сколько можно? Было три жены, потом вернулся снова ко второй, теперь нашел следующую? И какая эта будет по счету – четвертая или пятая? Надежда снова рассердилась на Люську – вот еще жена теперь звонить будет... Не может в собственной жизни порядок навести, охламон какой!

Кот тоже смотрел неодобрительно, ну с этим-то разбойником все понятно – есть хочет. И еще дуется, что вчера Надежда поздно пришла. Коты – очень злопамятные животные, а Бейсик, разбалованный мужем, – в особенности.

Надежда прошлепала в кухню и выложила коту в миску консервы из банки. Бейсик взвился изумленно.

«Что это? – говорил его взгляд. – Простые консервы? Где полезная зеленая фасоль, где сладкая кукуруза и протертая морковка? Даже поленилась разогреть, так и плюхнула холодное? Все будет сказано Сан Санычу!»

Фасоль нужна была, чтобы кот не растолстел, морковка – для того, чтобы шерсть была блестящая и густая. Кукурузу Надеждин кот просто обожал. Кошачий рацион был тщательно продуман ее мужем Сан Санычем после долгих совещаний с ветеринаром. Надежде велено было кормить кота два раза в день, а днем предлагать что-нибудь вкусенькое – «для души», как выразился Сан Саныч. Еще обязательно нужно было вычесывать кота хотя бы раз в день и чистить уши. Бейсик в присутствии хозяина пару раз почесал уши, и Сан Саныч, разумеется, впал в панику. Поскольку времени до отъезда у него не осталось, муж взял с Надежды самое честное слово, что она будет чистить коту уши и смазывать их синтомициновой мазью. Надежда очень необдуманно слово дала. И разумеется, совершенно забыла про неприятную процедуру, не до того было.

Кот потоптался немного у миски, понял, что Надежду ничем не проймешь, и решил позавтракать, а уж потом, когда вернется Сан Саныч, он за все отомстит. Надежда тяжело вздохнула и потащилась в душ.

После водных процедур голове полегчало. Надежда заварила крепкого чаю с лимоном и раздумывала, съесть ли что-нибудь или уж не стоит. Кот вылизал миску и теперь умывался на подоконнике, поглядывая во двор.

Надежда вспомнила про диету и решила, что есть ничего не будет. Мало ли, что костюм она теперь не скоро наденет – вроде бы никаких торжеств в ближайшее время не предвидится. Все равно нужно взять себя в руки. Надежда Николаевна решила начать новую жизнь. Она наскоро прибралась в кухне и собралась в магазин. Следовало прикупить сахара и еще кое-каких продуктов, а после ехать на дачу к матери. Можно обернуться за один день, чтобы не тащить с собой кота. Или уж уехать дня на три, но тогда прихватить рыжее чудовище с собой да там и оставить, пускай погуляет, воздухом подышит... Тут в голове снова всплыли наставления мужа, как следует ухаживать за котом, и что она, Надежда, клялась все выполнять и даже давала честное слово. Давши слово – держись, и Надежда решила заняться котом. Осторожно, стараясь не делать резких движений, она достала синтомициновую мазь и ватные палочки. Нужно было не показывать Бейсику, что ему собираются чистить уши, кот эту процедуру очень не любил.

– Бейсик! – фальшиво-ласково позвала Надежда, поворачиваясь к окну. – Иди скорей сюда...

Подоконник был пуст. Надежда недоуменно моргнула. Только что, буквально секунду назад кот спокойно сидел на подоконнике и переглядывался с вороной, которая раскачивалась на ветке клена. Ворона прекрасно знала Бейсика, по наблюдению Надежды, она специально прилетала посидеть на этом клене и подразнить кота. Иногда она каркала что-то презрительное, и тогда Бейсик начинал скрежетать зубами. На подоконник ворона никогда не садилась, предпочитала общаться с котом издали. Она ни капельки его не боялась, потому что клюв у вороны как долото, может сильно поранить, а то и убить. Просто характер у этой вороны был очень вредный, она любила нагло раскачиваться на ветке и кричать коту гадости. На подоконник садились толстые ленивые голуби. Они медленно прогуливались мимо рыжего страдальца за стеклом и томно ворковали. Бейсик отворачивался и делал вид, что голуби несколько его не волнуют. Но иногда в нем просыпался хищник, и тогда кот с утробным мявом бросался с размаху на стекло. Надежда очень ругалась, она боялась, что кот разобьет стекло и поранится.

Теперь подоконник был пуст. Надежда внимательно оглядела кухню. Кот обнаружился на холодильнике. Как он туда попал, осталось для Надежды загадкой. Однако нужно было выманить котяру во что бы то ни стало.

Надежда достала из холодильника кусок сыра и протянула коту. Бейсик повел носом, поглядел с недоверием, но все же передвинулся немного ближе к краю холодильника. Надежда положила сыр и освободила руки, чтобы схватить рыжего разбойника, как только он приблизится. Бейсик вытянул шею по направлению к сыру, но тут разглядел сверху синтомициновую мазь, которую Надежда в спешке бросила на стол. Кот злорадно посмотрел Надежде в глаза и перепрыгнул с холодильника на подвесной шкаф. От злости Надежда схватила кусок сыра и запустила им в этого негодяя. Кот поймал сыр на лету, как собака, и съел его с чавканьем. После этого он облизнулся и улегся на шкафу с видом хорошо потрудившегося животного.

Здравый смысл подсказывал Надежде махнуть рукой на кота и оставить его в покое. Пускай Сан Саныч по приезде сам с ним разбирается. Но Бейсик сверху глядел с таким превосходством, что она не выдержала. Сжав зубы, Надежда влезла на табуретку с твердым намерением добраться до кота. Бейсик понял, что на этот раз она не шутит, и принял угрожающую позу. Нападать первым он все же постеснялся, поскольку они с Надеждой были знакомы очень много лет, и за эти годы кот видел от нее много хорошего. А скорее всего, Бейсику было очень хорошо известно, что сердить хозяйку не в его интересах, она может здорово ухудшить ему условия проживания.

– Ах, ты так? – Надежда слезла с табуретки и надела на руки кухонные рукавички – совсем нелишняя предосторожность, учитывая размеры и количество Бейсиковых когтей.

Потом она снова влезла на табуретку и протянула руки, стараясь охватить как можно большее пространство.

Шкафчик висел в углу, так что в ту сторону коту отступить было некуда. С другой стороны была Надежда. Кот сказал сам себе историческую фразу: «Отступить некуда. За нами Москва!» – и приготовился дорого продать свою свободу.

Надежда аккуратно взяла рыжего хулигана за загривок. Кот пытался вырваться и царапнул когтями рукавичку. Когти застряли, кот заорал со страху, Надежда, пытаясь перехватить его поудобнее, переступила на табуретке, хлипкая табуретка покачнулась... она, конечно, могла бы ухватиться за шкафчик, но руки были заняты котом. Надежда выпустила кота, будучи уже в полете. Она приземлилась на пол, больно ударившись боком о край стола, а сверху свалилась тяжеленная поварешка, да еще и кот.

Всем известно, что кошки падают лапами вниз. Именно эти четыре лапы с выпущенными когтями плюхнулись на Надежду. Кот мигом оттолкнулся, расцарапав Надежде всю спину, и улепетнул из кухни.

Надежда, охая, попыталась сесть и сообразить, все ли у нее цело. Болел бок и спина, но руки-ноги двигались. Зато голова работала очень ясно. И в этой самой голове появились

здравые мысли. Главная мысль была та, что Надежде следует немедленно прекратить маяться дурью. День сегодня явно не задался, но не оттого, что Надежда страдала похмельем, просто она очень волновалась за Люську, потому все и валится из рук. Вот именно: Надежда твердо поняла, что с ее бывшим одноклассником Ильей Цыпкиным случилось что-то плохое, оттого он и не вернулся к ним за столик. И нужно выяснить все как можно скорее, по горячим следам, а то как бы поздно не было.

Надежда воспряла духом и заметалась по квартире. Телефон Алки был плотно занят, это хорошо, значит, она никуда не ушла. Сейчас лето, Алка в отпуске, а все дети и муж в отъезде. Алка стережет свой домашний зверинец и никуда не денется. Надежда решила немедленно ехать к подруге, потому что вряд ли получится уговорить Алку по телефону расследовать исчезновение Люськи. Алка не поверит Надежде, скажет, что той вечно везде мерещится криминал, начнет отговаривать... Все это Надежда додумывала уже на ходу. Она выскочила из дома, так и не обнаружив кота, он отсиживался в одном ему известном месте, убоявшись гнева Надежды.

– Телефонное хулиганство! – крикнул мужчина и в сердцах бросил трубку на рычаг.

– Что это ты так разошелся, хомячок? – спросила рыжеволосая женщина, поймав глазами его отражение.

Она сидела перед зеркалом и медленно, любовно расчесывала свои густые рыжие кудри.

– Сколько раз я просил тебя не называть меня так! – бросил он ей в спину. – Мне это неприятно!

– Но ты же самый настоящий хомячок! – усмехнулась женщина, оскалив в улыбке мелкие острые зубы. – Мой маленький симпатичный хомячок!

Мужчина действительно напоминал хомяка – круглый, немного полноватый, с толстыми щеками и маленькими настороженными глазками. Однако выражение его глаз было настороженным и злым – не как у хомяка, а как у мелкого, но злобного и опасного хищника.

– Хомячок, а кто это сейчас звонил?

– Не знаю! – огрызнулся мужчина. – Спрашивали твоего бывшего! Между прочим, женщина!

– Да что ты говоришь! – Зеленые глаза рыжеволосой красавицы откровенно смеялись. – Ну, в этом как раз нет ничего удивительного. Наоборот, я бы удивилась, если бы Илью разыскивал мужчина. А так – это совершенно нормально, и незачем так психовать! Мало ли, кто и почему его спрашивает? Мы ничего не знаем, и нас это нисколько не волнует. А ты своим поведением можешь вызвать ненужные нам подозрения!

– Да, тебе хорошо, – желчно проговорил мужчина, понизив голос. – Если что-то откроется, ты, разумеется, ни при чем. Ты всегда ни при чем, в стороне. А меня могли вчера видеть...

– Надо было вести себя осторожнее, – спокойно проговорила женщина, внимательно разглядывая свое отражение. – Одеваться скромнее, как массы, не выделяться из толпы. А тебе не кажется, что у меня появилась морщинка? Вот тут, около рта...

– Кара, о чем ты? – выкрикнул мужчина. – Я говорю тебе о важных вещах, а ты – о какой-то морщинке...

– Что может быть для женщины важнее ее лица!

– Ну конечно – мне придется одному отвечать за все, а ты останешься белой и пушистой...

– Белой и пушистой... – равнодушно повторила женщина и потянулась с кошачьей грацией. Ее кожа действительно была удивительно белой, она казалась даже прозрачной, через нее просвечивали местами тоненькие голубые сосуды, а рыжие волосы окутывали ее пушистым облаком. – Белой и пушистой... Не переживай так, хомячок, от волнений портится цвет лица!

– Прекрати меня так называть! – крикнул мужчина и схватил ее за плечи. – Прекрати, иначе я не знаю, что сделаю...

– Что именно? – прошептала она, оскалившись, и так взглянула, что он тут же убрал руки и попятился.

– Кара, ты иногда пугаешь меня, – проговорил мужчина после паузы. – Мы ввязались в такое серьезное и опасное дело, а ты относишься ко всему с таким равнодушием...

– Зато ты переживаешь за двоих! – бросила ему в лицо женщина. – В конце концов, сколько можно трястись? Если ты так боишься, нечего было все это затевать! Я тебя, кажется, не заставляла...

– Теперь уже поздно, – безнадежно проговорил мужчина. – Поезд ушел, и ничего не изменишь...

– Откуда такие похоронные интонации? – Женщина снова взяла себя в руки и заговорила кошачьим, мурлыкающим голосом: – Самое трудное позади, еще немного усилий, и мы с тобой будем богаты, улетим к теплому морю... Представь себе: шепот прибора, ласковые волны, и мы с тобой...

Словно нечаянно, она слегка распахнула полы шелкового халата, приоткрыв нежную, словно светящуюся грудь. Мужчина тяжело задышал и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

– Еще совсем немного, совсем-совсем чуть-чуть... – промурлыкала она, притянув его к себе и щекоча дыханием ухо, – совсем-совсем капельку... и мы с тобой совершенно одни, на пустынном пляже...

Через несколько минут она снова оглядела себя в зеркале, поправила волосы и озабоченно проговорила:

– Тебя вчера там действительно кто-то видел, или это только твое предположение?

– Ну, не знаю... – Мужчина выпрямился, привел в порядок свою одежду. – Кажется, я сделал все аккуратно... в точности как мы договаривались... по-моему, там никого не было...

– Ну, так тогда нечего паниковать! – Женщина снова оскалила мелкие острые зубы. – Лучше сосредоточься на том, как довести начатое до конца. Ты помнишь, что нам еще нужно сделать?

– Еще бы... разве такое забудешь!

Карина снова внимательно взглянулась в свое отражение и озабоченно проговорила:

– Все-таки у меня точно появилась новая морщинка. Лица предлагала новый израильский крем, говорят, он творит настоящие чудеса!

Алка открыла дверь, держа в одной руке бутерброд, а в другой телефонную трубку – как видно, в отсутствие мужа она расслаблялась по полной программе. Надежда показала ей, чтобы закруглялась, – есть, мол, важный разговор. Алка подняла брови и ушла в комнату, чтобы Надежда ей не мешала.

Надежда переобулась в домашние тапочки, и тут на нее налетел кто-то огромный, золотисто-черный. Шершавый теплый язык коснулся щеки.

– Дик, отстань! – отбивалась Надежда. – Ну что это еще за телячьи нежности?

Но Дик не унимался, он очень любил Надежду. Хвост его мотался так яростно, что сшиб по дороге кое-что из одежды и красивую керамическую вазочку. Пришлось Надежде принять положенную порцию собачьих ласк, выдать Дикуну специальную резиновую косточку, после чего отправиться в кухню. Попугай Кеша, сидя в клетке, приветствовал ее неразборчивым бормотанием. Надежда слегка удивилась – Кеша отлично разговаривал, когда хотел. Она просунула палец в клетку, насыпала семечек, попугай семечки есть не стал, а вместо этого больно клюнул Надежду в палец.

– Все ясно, – сказала она, – ты не в настроении. Ну и сиди один.

Кеша обиженно буркнул что-то ругательное...

– Не обращай внимания, – сказала Алка, – это звери сердятся, что дома целыми днями никого не бывает.

– Распустили мы их, – вздохнула Надежда, вспомнив своего собственного рыжего хулигана и почесав ушибленный бок. – А вообще-то, Алка, у меня к тебе серьезный разговор.

– Только не про диету! – замахала руками подруга.

– Есть замечательная, итальянская, – заискивающе продолжала Надежда. – Значит, с утра на голодный желудок съедаешь пять оливок... вот, я как раз купила банку... еще можно кофе, только черный и без сахара...

– Чудно, сейчас кофе выпьем! – оживилась Алка.

– На обед можно мидии или креветки с зеленым салатом, только без майонеза, – гнула свое Надежда, – а на ужин – сыр пармезан и фрукты.

– Да? – оживилась Алка. – А пармскую ветчину можно?

– Нельзя, – твердо ответила Надежда. – Только сыр и дары моря.

– Но Парма же тоже в Италии... – уперлась Алка.

– Мало ли что еще есть в Италии! – рассердилась Надежда. – Неаполь тоже в Италии, что же, на диете пиццу по-неаполитански можно есть?

Алка представила себе огромную пиццу с ветчиной, грибами, помидорами и козым сыром и умильно зажмурилась. Чтобы поддержать подругу, Надежда открыла банку маслин.

– Ладно. Это была прелюдия, – сказала она. – Собственно разговор впереди.

Она выплюнула косточку от черной оливки в подставленное Алкой синенькое блюдечко и выложила подруге все свои здравые мысли по поводу исчезновения Люськи.

Алка держалась твердо, как гранитная скала. По ее мнению, Надежда все выдумала. То есть, конечно, Люська вчера исчез, но этому можно найти самое простое объяснение. Кстати, Люськина жена его уже нашла, объяснение то есть. А ведь она лучше всех знает Илью Цыпкина, два раза за него замуж выходила. И ничуть не удивилась его вчерашнему поведению.

– А у тебя, Надежда, слишком развито воображение, – говорила Алка учительским голосом, – причем мысли твои направлены исключительно в одну сторону, криминальную.

– По-твоему, я думаю только о том, чего бы спереть или кого бы убить? – возмутилась Надежда.

– Не передергивай, – Алка оставалась абсолютно спокойной, – ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. А с Люськой ничего не случилось.

– Ну хорошо, я очень хотела бы в это верить, – сказала Надежда, вовсе и не думая сдаваться, – допустим, он встретил – в четвертый раз! – женщину своей мечты и увлекся. Но как он мог забыть, что мы ждем его за столиком? Вот если бы он передал официанту деньги, а сам ушел – тогда бы я ни капельки не волновалась...

– Ну, забыл...

– Брось, Алка, ты сама в это не веришь! – убежденно сказала Надежда. – Вспомни, кто вел тебя в медпункт, когда в третьем классе на продленке Витька Чечулин бросил камень и рассек тебе лоб? Ты боялась крови и орала ужасно, и Люська перевязал тебя своим новым мохеровым шарфом.

– И вовсе я не орала, – надулась Алка.

– Еще как орала! – напомнила Надежда. – Как будто тебя режут. Кровищи было – ужас, Марья Петровна с продленки сама чуть в обморок не упала, один Люська головы не потерял. А ему потом за шарф от матери влетело! А Витьку Чечулина он бил потом портфелем по голове, я сама видела! А когда в восьмом классе нас с тобой прорабатывали на комсомольском собрании за то, что мы завалили Ленинский зачет, кто выступил против исторички, которая чуть ли не из школы нас предлагала исключить? Люська не побоялся! Главное, учителя все прямо обалдели, так она дело повернула. Хорошо, Люська им мозги малость прочистил.

– Жуткая сволочь была историчка, – согласилась Алка, – даже не помню, как ее звали.

– А кто стоял вместе с нами в очереди за белыми туфлями для выпускного вечера? – вопрошала Надежда. – Нас бы без Люськи там просто на клочки разорвали! До сих пор эти туфли где-то у меня валяются, выбросить жалко, хоть и неудобные были – ужас! Алка, да Люська в жизни бы нас не бросил, мы его сто лет знаем, а люди не меняются!

– Наивная ты, Надя, – вздохнула Алка, – уж я в школе без малого тридцать лет работаю, такого нагляделась! Короче, что ты сейчас от меня хочешь?

– Идем в ресторан, там на месте порасспросим персонал, может, кто видел, куда Люська делся...

За разговором они как-то незаметно съели всю банку маслин, и Надежда очень по этому поводу расстроилась. Алка порывалась надеть все то же ярко-красное платье с иероглифами «сюнь», мотивируя это тем, что тогда ее сразу узнают в ресторане. Надежда долго убеждала ее, что лучше одеться поскромнее – мало ли, куда придется потом идти? На самом деле ей Алкино платье надоело еще вчера. В конце концов Алка надела льняные брюки и кофту в желтых цветах непонятного наименования.

В этот час ресторан был почти пуст. Только возле окна обедали, тихо переговариваясь о чем-то своем, девичьем, две деловые женщины средних лет, и в одиночестве расправлялся с огромной грудой морепродуктов бритоголовый мужчина самого угрожающего вида.

Навстречу подругам выдвинулся официант и осведомился:

– У вас заказано?

– А что – если не заказано, так у вас и стола не найдется? – спросила Надежда, окинув взглядом пустой зал.

– Из центральной по претензиям! – с апломбом заявила Алла, чувствительно ткнув подругу локтем, и прошествовала в глубину помещения, легко отбросив с дороги растерявшегося официанта.

– Что это ты вздумала за стол садиться? – шипела она. – Мне еще вчера тут все осточертело! А если припрется тот самый тип, которому мы вчера на чай не дали, – да он же нас просто съест без соли и масла!

– Ну, тобой-то он точно подавится, – подначила Надежда.

– Все равно денег нет по ресторанам рассиживаться...

Алка была в боевом настроении, Надежда даже пожалела, что взяла ее с собой, как бы скандала не вышло...

Возле туалета какая-то щупленькая девочка возила по полу ярко-оранжевой шваброй.

– Безобразие! – воскликнула Алла, неожиданно вспомнив, что она педагог. – Эксплуатация детского труда! Необходимо обратиться в комиссию по делам несовершеннолетних!

Надежда дернула ее за рукав – уймись, мол, а то выгонят и ничего мы про Люську не узнаем, но в это время девочка обернулась и тихонько захихикала. Ее круглое личико было покрыто морщинками, как печеное яблочко.

– Что, сзади пионерка, спереди пенсионерка? – Она отставила швабру и распрямилась. – Не вы первые, не вы последние!

– Извините, – пробормотала Алла.

– Да что вы, – уборщица явно веселилась, – мне очень приятно! Значит, еще не окончательно потеряла форму!

Голос у старушки был молодой и звонкий, одета она была в клетчатую рубашечку и джинсы детского размера.

– А где вы раньше работали? – поинтересовалась Надежда, у которой уже появилась смутная догадка.

– Актрисой сорок лет оттрудилась, в Театре юного зрителя... на ампула травести, в основном пионеров играла!

Она встала в третью позицию и тонким голосом запела:

– Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры – дети рабочих...

Исполнив первый куплет, старая актриса замолчала, оглянувшись на зал ресторана, и вполголоса добавила:

– Шеф ругается, когда я пою. Говорит, у некоторых посетителей мой репертуар вызывает неприятные эмоции...

– Не волнуйтесь, у нас не вызывает, – успокоила ее Надежда. – А скажите, вчера вы тоже здесь работали?

– А как же! Каждый день, как положено, нахожусь на трудовом посту... – И она пропела: – Завтра будет лучше, чем вчера... лучше, чем вчера, лучше, чем вчера...

– Целиком с вами согласна! – подхватила Надежда. – Но я, вообще-то, о другом! Вы вчера здесь не заметили такого симпатичного мужчину...

– Милая, – не дала уборщица закончить фразу, – в моем возрасте все мужчины моложе семидесяти кажутся удивительно симпатичными!

Она ловко крутанулась вокруг швабры и запела звонким голосом:

– Раз иголка, два иголка – будет елочка! Раз дощечка, два дощечка – будет лесенка! Раз словечко, два словечко – будет песенка!

– Вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам... – подпела Алка, но Надежда вовремя наступила ей на ногу.

Алка опомнилась и замолчала, а Надежда продолжала свое:

– ...такого полноватого, невысокого, с густыми черными волосами и пышными усами...

– С усами? – переспросила травести. – Вроде как был такой... у него еще телефон с такой хорошей музыкой...

– С какой? – ухватилась Надежда. – Не помните?

– Как же... а, вспомнила! – И бодрая старушка снова запела пионерским голосом: – Эх, хорошо в стране советской жить, эх, хорошо страной любимым быть, эх, хорошо стране полезным быть, красный галстук с гордостью носить...

Надежда с Аллой переглянулись. Эта самая мелодия была записана на Люськином мобильнике! Надежда еще вчера повеселилась, а Люська не моргнув глазом заявил, что скучает по пионерскому детству.

В глубине коридора приоткрылась дверь, из нее выглянула совершенно лысая голова, и недовольный мужской голос произнес:

– Мишугина, опять за старое взялась? Опять пионерские песни поешь? Я же тебя, кажется, предупреждал...

– Лев Яковлевич, последний раз! – травести сложила ручки на груди. – Честное пионерское, это не повторится!

– Ну, смотри у меня, Мишугина! – Голова спряталась, и дверь закрылась.

– Вот видите, – травести тяжело вздохнула, – не ценит начальство мое стремление нести искусство в массы. Или моя тематика их не устраивает! Придется, видимо, разучивать на старости лет песни из репертуара Филиппа Киркорова...

Надежда прервала словоохотливую травести, пока та не запела «Банька моя, я твой тазик»:

– Значит, ему позвонили по телефону?

– Кому? – удивленно переспросила уборщица.

Судя по всему, она погрузилась в воспоминания о своем славном театральном прошлом и совершенно забыла, о чем они только что разговаривали.

– Ну, тому мужчине с усами, – терпеливо проговорила Надежда, – у которого записана на мобильнике песня «Эх, хорошо...».

– Ах, этому! – Уборщица неохотно вернулась мыслями в скучный сегодняшний день. – Ну, выходит, позвонили, раз музыка заиграла. Не позвонили бы, так, верно бы, не заиграла...

– Несомненно, – устало согласилась Надежда. – А вы, случайно, не слышали, о чем он разговаривал?

Одаренная уборщица задумалась. Надежда смотрела на нее в ожидании. Алка нетерпеливо посматривала на часы. Она не очень-то верила в пользу от их сегодняшнего похода.

– Вроде как он сперва послушал, а потом сказал: «Ну сейчас, одну минуту! Я выйду!»

– И вышел? – недоверчиво уточнила Надежда.

Уборщица явно что-то путала. Люська не проходил через зал ресторана, они бы его непременно заметили.

– Вышел, – убежденно кивнула уборщица.

– Путаете вы что-то! – подала голос Алла. – Никуда он не выходил! Мы почти напротив входа сидели...

– Так он не туда вышел! – травести кивнула в сторону зала.

– А куда? – оживилась Надежда.

– А вот сюда, через служебный выход! – И уборщица мотнула головой в дальний конец коридора.

Неожиданно возле них возникла сухопарая женщина в строгом бордовом костюме и осведомилась, подозрительно глядя на подруг:

– Я извиняюсь, женщины, вы из какой конкретно организации? И что вы здесь, в таком странном месте, возле туалета, проверяете? А вы, Мишугина, почему не выполняете свои непосредственные обязанности?

– Мы из центральной по претензиям! А если более конкретно – из ГУИОН и БУБОП! – с апломбом ответила Алла. – Проверяем наличие отсутствия дополнительных путей эвакуации в случае чего!

– В случае *чего*? – не отступала женщина в бордовом.

– В случае *того*! – сурово ответила Алла. – Не вопросы нужно задавать ответственным работникам, находящимся при исполнении, а пути эвакуации содержать в постоянной готовности! Сами знаете, живем как на вулкане! – И она, крепко подхватив Надежду под локоть, решительно зашагала в направлении, указанном бывшей заслуженной пионеркой.

– Ну, ты даешь! – восхищенно шепнула Надежда. – До такого даже я не додумаюсь! Верно говорят, что нахальство – второе счастье!

– Всем оставаться на местах! – лихо ответила Алка. – Наше оружие – внезапность!

Коридор поворачивал под прямым углом и упирался в железную дверь, закрытую на самую обычную задвижку.

Сзади доносились шаги опомнившейся женщины в бордовом.

– А можно документки ваши посмотреть? – кислым голосом проговорила она, вывернувшись из-за угла.

– Нельзя! – строго ответила Алка, не оборачиваясь, и добавила: – Поскольку мы конкретно из центральной по претензиям, то никакие претензии к нам не предъявляются, а вы со своими претензиями можете обращаться в отдел претензий!

Выговорив эту немыслимую фразу, она отодвинула задвижку, и подруги вышли из служебной двери ресторана, с грохотом захлопнув ее за собой. Надежда опасливо оглянулась на дверь. Как бы не привела эта тетка в бордовом костюме кого покрепче себе в помощь. Она внимательно оглядела окрестности.

Они с Алкой оказались в типичном петербургском дворе, отчасти стыдливо заасфальтированном, отчасти заросшем густыми пыльными лопухами. Возле ресторанной двери лопухов не было, зато здесь было огромное количество ломаной тары самого разного назначения. Среди этой тары очень уютно расположилась худошавая трехцветная кошечка с двумя очень

похожими на нее котятами. Кошечка свободной лапой намывала себе мордочку, один из котят в упоении ловил собственный хвост, а второй сочувственно за ним наблюдал. При появлении подруг кошечка ненадолго прервала свою водную процедуру, приветливо взглянула на Надежду и негромко мурлыкнула.

– Вот кто мог бы нам многое порассказать, – со вздохом проговорила Надежда, – да, к сожалению, мы вряд ли найдем с ней общий язык...

Шустрый котенок почти поймал свой хвост, но в самый последний момент не удержал равновесия и свалился на спину. Мама озабоченно взглянула на него и на всякий случай пару раз лизнула. Второй котенок, видимо, обидевшись на такую вопиющую несправедливость или просто внезапно охваченный охотой к перемене мест, заковылял прочь от матери по пластмассовому ящику, гордо задрвав коротенький треугольный хвостик. Дойдя до края ящика, он не остановился, а смело шагнул вперед и провалился в щель между ящиком и стеной дома. Оттуда тут же донесся его испуганный писк. Кошка-мама озабоченно привстала, заглянула в щелку, но ничем не смогла помочь своему чересчур любопытному отпрыску.

Надежда Николаевна, как котовладелица с большим стажем, не смогла остаться в стороне от этой маленькой трагедии. Она наклонилась, приподняла ящик и осторожно вытащила пострадавшего.

– Ну, ты прямо как сотрудник МЧС! – одобрительно проговорила Алла, наблюдая за действиями подруги.

Котенок, которого Надежда осторожно несла за шкурку, вырывался и жалобно мяукал.

– Ну что ты вопишь, дурачок. – Надежда опустила его рядом с матерью. – Ведь я тебе ничего плохого не делаю!

Тем не менее, едва она его выпустила, неблагодарный ухитрился укусить ее за палец.

– Во дает! – обиделась Надежда Николаевна. – Вот и совершай после этого добрые поступки! Тебя же еще и укусят! Чего ожидать от людей, если даже кошки начисто лишены чувства благодарности! Кстати, очень больно. – Она потерла палец. – Зубки хоть и маленькие, но острые!

Она снова наклонилась над тем простенком, из которого только что вытащила котенка, и удивленно проговорила:

– А это что такое?

В пыли что-то тускло блестело.

Снова протянув руку, Надежда достала часы на тяжелом серебристом браслете.

– Ты смотри, как интересно! Кто-то уронил туда часы... кстати, очень даже приличные...

– Ну-ка, дай посмотреть! – Алла протянула руку. – Правда, швейцарские, вот название фирмы... а тут что выгравировано...

Она поднесла часы ближе к глазам и удивленно прочитала:

– «Иле на годовщину нашей встречи».

– Так это Люськины часы! – закричала Надежда.

– Что ты так кричишь! – оборвала ее Алла. – Хочешь, чтобы сюда весь район сбежался? Вон, своих друзей переполошила!

Действительно, кошка решила, что здесь становится слишком шумно, схватила одного из котят за шкурку и потащила его в дальний угол двора.

– Но это же действительно Люськины часы! – повторила Надежда Николаевна, на этот раз вполголоса. – Иля – это ведь Илья! Его теперешняя жена, ну эта, то ли вторая, то ли четвертая, так и называет – Иля! Наверное, это она и подарила ему часы на какую-то их годовщину...

– Ну да, например, на годовщину окончания того детского сада, в котором они познакомились.

– Ну, Алка, что ты говоришь! Ведь с ним что-то случилось...

– Да ничего с ним не случилось! Встретил очередную великую любовь и бросился за ней, задрав хвост, как этот котенок...

Как раз в это время кошка вернулась за вторым отпрыском, недовольно покосилась на подруг, схватила второго котенка за шкурку и удалилась. Надежда прекрасно видела, что Алка на самом деле согласна с ней, а спорит просто так, из духа противоречия.

– Нет, Алка! – убежденно проговорила Надежда. – Я и раньше была уверена, что Люська не мог просто так бросить нас с тобой, не мог так поступить, а теперь, найдя эти часы, больше не сомневаюсь – с ним точно что-то стряслось! Сама посуди – как могли сюда попасть эти часы?

– Да просто свалились с руки! Со мной тоже как-то раз такое случилось – браслет растянулся и часы упали...

– Вот именно! У тебя браслет растянулся! А этот браслет очень надежный, и он застегнут! Так что часы могли свалиться только во время борьбы! То есть Люську схватили, он сопротивлялся, при этом уронил часы... А может быть, – неожиданно осенило Надежду, – он их уронил нарочно, чтобы оставить нам какой-то знак!

– Ну да, – подхватила Алла, – как мальчик-с-пальчик... Ой, Надька, у тебя чересчур развита фантазия! Слишком много детективов читаешь, везде тебе мерещится какой-то криминал! Да сама посуди: как он мог думать, что мы будем здесь рыться, спасать котят и наткнемся на его часы?

– Ну, допустим, не мы. – Надежда пошла на попятную. – Но кто-нибудь другой мог найти и заинтересоваться...

– Я тебя умоляю! Да скорее всего, эти часы нашел бы какой-нибудь бомж и продал за бутылку... часы хорошие, дорогие...

– Ну, значит, они просто случайно упали, во время борьбы, но тем не менее борьба была, и нашего Люську определенно похитили! Ведь ему кто-то позвонил по телефону, так? Уборщица слышала...

– Ну так...

– И он вышел навстречу этому кому-то. Так какого черта этот кто-то назначил Люське встречу возле помойки? – Надежда указала на кучу сломанных ящиков, словно призывая эту кучу в свидетели. – Если тебе скрывать нечего, так выходи через парадный вход! В машине можно поговорить...

– Да, вот кстати, – обрадовалась Алка, – а куда тогда девалась его машина? По-твоему выходит, что Люську тут приложили ящиком по голове, схватили и куда-то унесли? Они что – целый квартал его тащили, потом перед парадным входом его в собственную машину запихнули и уехали?

– А вот это мы сейчас и выясним! – Надежда потащила Алку к выходу.

И тут открылась железная дверь, и на пороге появился здоровый и мордатый охранник.

– У вас проблемы? – буркнул он. – Чего здесь ошиваетесь?

– Мы свои проблемы решим быстро, – ответила Надежда, – а вот у вашего начальства точно будут проблемы. Имеет место антисанитарное состояние служебного помещения и zagrożение путей эвакуации! – Она обвела рукой неприглядную кучу мусора.

Здоровяк сделал шаг к ним, и две подруги позорно бежали с поля боя. Они обошли здание, где помещался ресторан, и снова приблизились ко входу. По дневному времени швейцар не стоял возле двери, а сидел в холле. И не было на нем сегодня шикарной адмиральской формы, а так – курточка какая-то... однако и в этом невзрачном одеянии привратник выглядел значительно, кроме того, при дневном свете его необычный шрам в форме пятиконечной звезды еще больше бросался в глаза. Надежда подошла к окну и помахала рукой. Швейцар привстал со своего места и удивленно уставился на нее. Надежда поманила его рукой, потом рядом появилась Алка. Швейцар, мужчина не первой молодости, с интересом уставился на Алку в необъятной кофте, но не делал попыток встать с места.

– Алка, у тебя есть пятьсот рублей одной бумажкой? – тихонько спросила Надежда.

– А зачем?

– Дай, я тебе сотенными верну. А то мелкими неудобно давать... он такой представительный...

Алка порылась в кошельке и показала швейцару купюру. Тот оживился и вышел на крыльцо.

– Ну?

– Не «ну», а здрассте, – мрачно буркнула Алка, ей жалко было расставаться с деньгами.

Надежда пыталась оттереть Алку плечом, но ей не по силам было это сделать. Швейцар очень внимательно уставился на непонятные желтые цветы, обильно покрывающие Алкину кофту.

– Одуванчики мои, цветики степные... – тихонько промурлыкал он.

«А ведь и вправду они на одуванчики похожи! – осенило Надежду. – А я-то мучилась, никак понять не могла...»

Алка поймала взгляд швейцара и начала медленно закипать. Надежда все же умудрилась всунуться между ними и быстро затараторила:

– Вы, я вижу, человек наблюдательный. Вот вчера вечером тут машина стояла, «Вольво», помните?

– Светлая? – уточнил швейцар.

– Цвета топленого молока, – обрадовалась Надежда.

Швейцар протянул руку за деньгами, но Алка отступила в сторону и сделала жест, который трактовался однозначно: сначала, мол, сведения, а потом – деньги. Швейцар оглянулся на Надежду, та молча развела руками.

– Помню, – вздохнул покорившийся работник входной двери, – я и вас помню. И водителя – такой темный, с усами... Где-то я его раньше видел...

– А скажите, пожалуйста, машина потом куда делась? – наседала Надежда.

– Как – куда делась? Куда машины деваются? Уехала машина... – Швейцар пожал плечами. – А вы нескоро вышли, еще посидели.

– Значит, тот мужчина, что нас привез, сел в машину и уехал? – упавшим голосом спросила Надежда, предчувствуя, что сейчас скажет ей Алка.

– А я этого не говорил! – невозмутимо открестился швейцар. – В машину другой сел.

– Что такое? – встрепенулась Надежда.

– Да говори ж ты толком! – приказала Алка.

– Парень, молодой довольно, одет просто, но чисто, подошел, открыл машину и уехал...

– И вы ничего не заподозрили? – заорали подружки хором.

– А мне что? Вижу – он ключами открывает, сигнализация не сработала. Мое какое дело? Может, хозяин напился и теперь его кто-то домой везет.

– Эх! – Алка с презрением поглядела на швейцара, но деньги отдала.

– Подождите! – осенило Надежду. – Но вы хоть того типа запомнили?

– Молодой, лет тридцати, – задумался швейцар, – волосы совсем белые, как будто нарочно обесцвеченные, да еще длинные, так сейчас никто не носит... и брови такие же белые, в общем, этот, как его... альбинос... да, вот еще, за левым ухом родинка, большая, со старую двухкопеечную монету.

– И на том спасибо, – сурово сказала Алка, развернулась на каблуках и пошла, твердо печата шаг.

Одуванчики на кофте колыхались, как при легком утреннем ветерке.

– Городские цветы, городские цветы... – пропел ей вслед швейцар задушевым голосом. Надежда против воли прыснула и припустила за подружкой.

– Нет, ну какой наглец это швейцар! – возмущалась Алка. – И к обязанностям своим наплевательски относится! Видит, что чужой человек садится в доверенную ему машину, и хоть бы слово сказал!

– Да еще и описать-то его как следует не сумел! – поддержала Надежда.

– Да у меня двоечник Охломонов меньше тормозит! – припечатала Алка и тут же зарулила в кафе на углу.

– Мороженое и молочный коктейль! – крикнула она официантке и плюхнулась за столик в углу, поближе к кондиционеру.

– Апельсиновый сок! – укоризненно сказала Надежда, но Алка предпочла не услышать намека в ее голосе.

– Теперь ты веришь наконец, что Люська нуждается в нашей помощи? – начала Надежда, когда Алка, втянув один глотком полстакана коктейля, занялась мороженым.

– Ну, допустим, я верю, – ответила успокоившаяся Алка, – но что теперь делать? Куда нам, бедным, податься? В полицию? Я тебя умоляю... Там с нами и разговаривать не станут, потому что заявление о пропаже могут подавать только родственники, да и то вряд ли примут.

– А если примут, то только через три дня, уж такие у нас законы! – подхватила Надежда. – Да все я знаю, Люськина нынешняя жена и не собирается этого делать. Она-то уверена, что он загулял. Но, понимаешь, из разговора с ней у меня сложилось впечатление, что кто-то из одноклассников ей сообщает много интересного о нас всех, есть у нее свой агент, посланный казачок. Кто бы это мог быть?

– Тут и думать нечего, – Алка даже отодвинула вазочку с мороженым, – это Сонька Бломберг. Она всегда все про всех знает, у нее фишка такая. Кто мне сказал, что Ленка Саватеева отшлифовала морду в Швейцарии? Сонька. Кто заявил, что у Светки Малининой и Вадика Таранова снова будет роман? Она. Так оно и есть – ишь как Вадька Светку на встрече обхаживал.

– А помнишь, давным-давно, когда Лиду Зайкину бросил муж? И даже в роддом за ней не пришел, подлец. Так Сонька нас всех подняла по тревоге, и мы ввалились за Лидкой целой толпой с цветами и подарками! – засмеялась Надежда.

– Муж потом вернулся, Лидка, дура, его приняла, – подхватила Алка, – да только через три года они окончательно развелись. Это тоже Сонька мне рассказала...

– Ладно, звоним Соньке. – Надежда достала потрепанную записную книжку. – Сегодня что у нас – рабочий день? Значит, звоню на работу. Вот тут у меня как раз два телефона.

– Дай я! – Алка вырвала мобильник. – Сейчас мигом Соньку вызвоним!

– Повежливее там, – прошипела Надежда, но Алка уже махнула рукой, потому что там ответили.

– Аллю! – заорала Алка. – Можно попросить Соню Бломберг?

– Кого? – переспросили на том конце с таким изумлением, что даже Надежда расслышала.

Она тут же сообразила, что это для них Сонька так и осталась девчонкой, а ведь на самом деле ей, как и им всем, уже пятьдесят, так что следует называть Соню по отчеству. Но вот какое же оно, это отчество? Надежда закрыла глаза, и перед ней встала последняя страница школьного журнала, на которой записаны адреса и телефоны всех учеников. Были там и отчества.

– Борисовна, – шепнула она Алке, – Сонька – Борисовна!

– Я не понимаю, – сердилась Алка, – неужели я прошу чего-то невыполнимого? Всего лишь позвать к телефону Софью Борисовну Бломберг. И не говорите, девушка, что она в отпуске, я с ней вчера встречалась!

– Я не девушка, – прозвучало на том конце.

– Да мне-то что с того? – озверела Алка. – Меня ваш моральный облик совершенно не интересует!

– С вами говорит охранная служба модельного агентства «Таис». Меня зовут Антон Прохорчук.

– Так вы мужчина? – удивилась Алка. – Подумать только, а голос совершенно женский!

– Это мобильная связь у вас плохая, искажает, – обиделся Алкин собеседник.

– Не хамя человеку, – рассердилась Надежда и попыталась вырвать свой мобильник, но не тут-то было, Алка держала крепко.

– Вы по какому вопросу? – допытывался голос в трубке.

– По личному делу, Алла Владимировна Тимофеева, мы вчера встречались, – повинуюсь Надежде, толково ответила Алка.

– Соединяю с Альбиной Васильевной!

– Слушай, зачем нам какая-то Альбина Васильевна? – удивилась Алка. – Нам Сонька нужна!

Но Надежда все же умудрилась заполучить свой мобильник и поговорила сама с неизвестной Альбиной, в результате чего им было позволено соединиться с Софьей Борисовной.

– Надька, ты? – удивилась Сонька. – Что у тебя за пожар?

– Сонька, у нас ЧП, – заорала Алка, снова вырвав у Надежды мобильник, – Люська пропал! Срочно нужно поговорить! Выскочи на минутку с работы! По телефону не расскажешь – Надька ворчит, что деньги кончаются!

– Не могу, важные переговоры у меня. Вы вот что, подгребайте через полчаса, я распоряджусь, чтобы вас встретили. Переулок Панаева, дом четыре! Это писатель такой был, Панаев, – ехидно добавила Сонька.

– Ты мне это говоришь? – всерьез обиделась Алка. – Да я же литературу преподаю!

– Кто тебя знает, как ты там преподаешь? – поддразнила Сонька и отсоединилась.

– Похоже, что она – крутой начальник, а ты – «Соня Бломберг», – упрекнула Алку

Надежда.

– Да уж, – посмеивалась Алка, – их там чуть удар не хватил.

– Какой адрес она назвала? – растерянно спросила Надежда.

– Переулок Панаева, дом четыре, – сообщила Алла, сверившись с записной книжкой. – А что?

– Да вот этот дом. – Надежда указала на двухэтажный розовый особнячок неопишуемой красоты, весь в статуях и колоннах. – Неужели это – офис ее фирмы? Уж больно роскошно, в таких особняках обычно размещаются или налоговые службы, или представительства крупных нефтяных компаний.

– Точно, это дом номер четыре. – Алла указала номер на стене особняка. – Ну, может, ее фирма пристроилась где-нибудь сзади или сбоку. Подойдем ко входу, там что-нибудь узнаем, спросим у охранника...

Однако спрашивать им ничего не пришлось. Во-первых, перед дверью толпились взволнованные девушки разной степени красоты – от весьма хорошеньких до откровенных уродин, и разной степени свежести – от четырнадцатилетних ангелочков, едва вырвавшихся из-под материнской опеки, до прожженных двадцатипятилетних девиц, прошедших огонь, воду и медные трубы, а во-вторых, на тот случай, если кто-то еще сомневался, там висела огромная позолоченная вывеска с названием фирмы – «Модельное агентство “Таис”».

На крыльцо вышел здоровенный парень, одетый несмотря на лето в черный костюм. За версту было видно, что это – охранник. Он окинул толпу девиц цепким взглядом и открыл одну створку двери. Обрадованные искательницы славы бодро устремились в холл. Надежда с Алкой хотели было проскочить за ними, но были профессионально отсечены охранником.

– Вы к кому? – сурово спросил он.

Парень был здоров и крепок, росту в нем было не меньше чем метр девяносто, плечи его прошли бы не во всякую витрину продовольственного магазина, однако голос подгулял. Не то чтобы женский, но очень высокий, что вкупе с размерами охранника создавало забавный эффект.

– Вы к кому? – повторил парень.

– У нас назначена встреча с госпожой Бломберг, – солидно ответила Надежда.

– Скажите, а вы не Антон Прохорчук? – не утерпела Алка. – Я вас по голосу узнала...

Парень набычился и уставился на Алку. Но ее на такие дешевые приемы было не взять. Алла Владимировна много лет проработала в школе завучем, что ей какой-то там охранник, хотя бы и с пистолетом?

Положение спасла Надежда. Она ущипнула Алку сзади и призвала ее к порядку. Охранник тоже опомнился и разрешил пройти.

Компания девиц теперь роилась в холле. Тут же стояла с весьма независимым видом молодая ухоженная женщина в строгом деловом костюме и в очках. Холодное самоуверенное лицо делало ее похожей на Снежную королеву – в современном офисном варианте. Увидев подруг, она помахала им рукой и осведомилась:

– Вы к Софье Борисовне?

Надежда и Алла, лишившиеся дара слова при виде окружающей роскоши, энергично закивали.

– Лебедева и Тимофеева? – продолжала расспросы дотошная девица.

Подруги закивали еще энергичнее, так что у Надежды даже заболела шея.

После этого ледяная девица улыбнулась им так, как будто ее в эту секунду снимали все ведущие телекомпании мира, и хорошо поставленным голосом объявила:

– Софья Борисовна лично поручила мне вас встретить!

– Круто! – прошептала Надежда, повернувшись к Алле. – Похоже, Сонька у нас заделалась важной персоной! А на вечере встречи в ресторане помалкивала!

– Ну, это не удивительно! – также шепотом ответила Алка. – Мухин там никому и рта не дал раскрыть!

Снежная королева одним мановением руки раздвинула толпу взволнованных претендентов и провела подруг в холл особняка. Здесь роскошь была еще более вопиющей. С высоченного потолка свисала многопудовая хрустальная люстра, по углам скромно красовались статуи античных богов, мраморная лестница, уводившая немногих счастливых то ли на второй этаж, то ли прямо в райские кущи, была застелена пушистым ковром цвета слоновой кости. Навстречу вошедшим метнулся еще один охранник, облаченный в вечерний костюм от Армани – этакая помесь голливудского актера на роли первых любовников и бойца спецназа, прошедшего все горячие точки планеты.

– Стасик, это личные гости Софьи Борисовны! – объявила служащая таким тоном, как будто представляла присутствующим по крайней мере английскую и голландскую королев.

На лице охранника возникло соответствующее случаю почтение, и он с легким поклоном протянул гостям пластиковые карточки с зажимом и единственным напечатанным на них словом – «гость».

– Бейджи сдадите при выходе, – предупредил он подруг.

– Что сдадим? – переспросила Алка.

– Бейджи, тундра сибирская! – прошептала ей Надежда. – Это гостевые карточки!

– А, ну так бы и говорил...

Вслед за Снежной королевой подруги, утопая в ковре, поднялись по лестнице и оказались в длинном и очень светлом коридоре. Золотисто-розовые стены были увешаны крупными цветными фотографиями.

– Ой! – воскликнула непосредственная Алка. – Надька, погляди, это ведь наша Сонька! А что это за красавица с ней?

– Здесь Софья Борисовна сфотографирована с Линдой Евангелистой, – сдержанным тоном сообщила провожатая, никак не показав своего отношения к людям, не узнающим в лицо верховных богинь модельного бизнеса.

– А это...

– Клаудиа Шиффер, – опередила вопрос девица. – А на этом снимке Софья Борисовна рядом с Наоми Кэмпбелл...

– А это... Боже ты мой... неужели?

– Да, – Снежная королева улыбнулась одними губами. – Здесь Софья Борисовна с президентом...

– Ох, ни фиги себе!

– Прошу вас, Софья Борисовна ждет! – И замороженная девица открыла перед подругами дверь кабинета.

Кабинет был огромен. Софья Борисовна сидела в дальнем от двери конце за письменным столом размером со строительную площадку дома квартир на двести, не больше. Надежда с Алкой, малость оробев, прошли по пушистому ковру, причем Алка все время спотыкалась. Софья Борисовна кивнула им. На лице ее была наклеена любезная улыбка.

– Прошу садиться, – сказала она.

Надежда выбрала стул с жесткой спинкой, Алка же плюхнулась в мягкое кресло. Надежда разглядывала Соню. Сегодня на ней был другой костюм, желтого цвета. На взгляд Надежды, оттенок был довольно смелым, и она бы такое не решилась надеть, но Соньке несомненно шло. Хозяйка кабинета помолчала с полминуты, потом сказала нормальным голосом:

– Вы чего – офонарели совсем? На работу звонят – и Соню спрашивают! Вы бы еще кличкой меня называли – позовите, мол, Соньку Золотую Ручку!

– Точно! – захохотала Алка. – Так тебя до седьмого класса и дразнили!

– Да моих сотрудников всех поголовно чуть кондрашка не хватила! – не успокаивалась Сонька. – От тебя, Надежда, не ожидала...

– А от меня, значит, ожидала? – мгновенно надулась Алка.

Соня нажала кнопку на своем столе и сказала некоей Танечке, чтобы принесла кофе.

– Может, вы голодные?

– Боже упаси, никакой еды! – Надежда так замахала руками, что Алка не посмела спорить.

Появилась Танечка – тоже в офисном костюме, но помоложе и попроще той сотрудницы, что встречала их в холле. Она выставила на стеклянном столике возле дивана три чашечки кофе, а также хорошенькую корзиночку, наполненную крошечными печеньками. Алка при виде корзиночки издала удовлетворенный рык тигра, добравшегося наконец до аппетитной антилопы.

– Давайте, девочки, излагайте быстрее, а то и вправду времени нет! – Соня отпила кофе.

Алка, чтобы не терять времени, зачерпнула печенье горстью, и пока она запихивала все это в рот, Надежда скороговоркой изложила ситуацию. Она умолчала, каких трудов ей стоило уговорить Алку помочь в расследовании, но Сонька и сама сообразила. В отличие от Алки, она слушала очень внимательно и не старалась поднять Надежду на смех.

– И вот что мы нашли на заднем дворе ресторана сегодня. – Надежда выложила на столик часы и залпом выпила остывший кофе.

Алка с грустью потрясла пустой корзиночкой, на стол вывалились лишь крошки.

– Люськины часики, это точно, – пробормотала Соня. – Ленка их ему подарила, когда они обратно сошлись.

Алка фыркнула, в ней поднял голову преподаватель русского языка.

– Ну ты и сказанула – обратно сошлись! А еще приличная женщина, вон каким агентством заведует!

– Я не заведу, а владею, – поправила Сонька. – И сказала все правильно, именно Люська со своей женой обратно сошлись!

– Да, кстати, объясни ты мне, Сонечка, – встряла Надежда, – откуда ты все про всех нас знаешь? Всех Люськиных жен, у кого из одноклассников с кем роман был или будет – в общем, все время держишь руку на пульсе?

– Ой, девочки, – вздохнула Соня, – вы не представляете, как я на этой работе устаю. Все работа да работа, для себя времени не остается. А эти встречи с одноклассниками заменяют мне личную жизнь. Приятно, знаете, пообщаться с нормальными людьми, а то с этим бизнесом с ума сойти можно.

– Не сказала бы, – рассмеялась Надежда, – по виду у тебя все отлично! Роскошь такая, все на цыпочках бегают...

– Это конечно. Но иногда так надоедает стоять у руля...

– Ты нам зубы не заговаривай, – приказала Алка, – говори быстро, что про Люську знаешь!

– Много знаю, – ответила Соня, – мы с ним по работе даже связаны раньше были. Значит, Люська наш много чем занимался, разными направлениями бизнеса, а в последнее время у него рекламное агентство, называется «Алекс». В общем, преуспевает наш Илюша, голова у него всегда хорошо работала.

– В этом мы не сомневались. Могли у него по работе какие-то заморочки случиться? Ну, наезжали на него кредиторы, допустим...

– Да нет, Люська всегда дела аккуратно ведет и честно. Никогда никого не подводит ни с деньгами, ни со сроками... Да вы же знаете, какой у него характер хороший, ни с кем он никогда не ссорится...

– Но кто-то выманил его из ресторана и похитил! – напомнила Надежда. – Он с этим человеком говорил и знал его хорошо... Люська человек увлекающийся, эти его походы налево...

– Да в том-то и дело, что он остепенился! – воскликнула Соня. – Вот в этом кабинете мне говорил, что больше – ни-ни, к Ленке вернулся и очень ей благодарен, что она его обратно приняла. Обжегшись, мол, на молоке, дуют на воду и все такое прочее. И вот что я вам скажу: единственная, с кем Люська был в ссоре, – это его третья жена Карина, она Люське столько крови перепортила... А ведь говорила я ему, что из этого брака ничего не выйдет...

– Да разве он слушает! – вступила Алка. – Ко второй-то жене он прямо при нас сорвался. Увидел знакомую и побежал. А после так у нее и остался.

– С Каринкой еще смешнее было, я уж знаю. Значит, едут они с Ленкой по городу, у Люськи новая «Ауди», он ею страшно гордился. Было это лет шесть назад. Вдруг впиливается в него на перекрестке девица на старых «Жигулях», она недавно права получила и теперь по городу ездит, тренируется. Ну, нажала не ту педаль и вмазалась Люське в зад. Он выскочил ругаться, а тут вылезает такое создание из машины. И Люська, по его же собственному выражению, тут же упал и умер. Потом очухался малость и понял, что нашел единственную женщину в своей жизни.

– Третью по счету, – вставила Надежда.

– Точно! И это при том, что жена сидит рядом! Паразит, конечно, – рассмеялась Сонька, – но такой уж характер.

– И что, он сел в те старые «Жигули» и уехал от второй жены?

– Ну, не сразу. Но процесс пошел очень быстро – вы же знаете Люську, он промедления не любит. Быстро разобрался с делами, охмурил Каринку и ушел к ней.

– Что он в ней нашел, хотела бы я знать... – проворчала Алла.

– В этом ты не права. – Соня позвонила и сказала явившейся Танечке, чтобы та нашла ей альбом номер пятьдесят четыре за одна тысяча девятьсот девяносто четвертый год.

Альбом появился сразу же, как будто лежал наготове. Чувствовалось, что Соня умеет подбирать себе персонал.

– Вот, третья жена Люськи, – Соня жестом фокусника распахнула альбом.

Подруги онемели. На снимке была изображена потрясающе красивая девушка. Модель снята была не в полный рост, видны были точеной формы обнаженные плечи, шея и высоко поднятые рыжие волосы. Удивительно белая кожа казалась прозрачной. Следующий снимок был крупным планом – только лицо. Неправдоподобно зеленые глаза, казалось, испускают сияние. И еще один снимок – со спины, видна пышная рыжая грива и кусочек щеки.

– Ничего себе! – выдохнула Надежда. – Это же надо – какая красotka! Ай да Люська, и что она-то в нем нашла?

Соня усмехнулась и закурила сигарету.

– Не люблю курить в кабинете, да уж ладно, с вами можно. Во-первых, это снимок десятилетней давности. На нем Карине двадцать четыре года. Именно тогда она и попала к нам в агентство. А это, скажу я вам, уже довольно поздно. Про ее жизнь до этого я мало знаю – приехала откуда-то из провинции, перебивалась здесь кое-как, потом решила податься в модели.

– Неудивительно, с такой-то внешностью! – воскликнула Надежда.

– Тут тоже свои сложности, – вздохнула Соня. – Это я вам показываю самые лучшие снимки. Выяснилось, что Карина Лисицкая – очень требовательная модель. То есть не она сама, а ее внешность. Не всякий возьмется ее снимать. Очень трудно снять ее под таким ракурсом, чтобы не было видно недостатков. Эта белоснежная кожа... требуется специальное освещение, иначе она кажется слишком бледной. Лицо ее хорошо смотрится, когда волосы забраны наверх или вообще убраны. Но ведь волосы-то как раз и составляют ее сильную сторону! В общем, сплошные противоречия. Опять же, возраст. У рыжеволосых кожа рано стареет. Если накладывать больше косметики – лицо Карины становилось вульгарным. Короче, намучились мы с ней. Если бы нашелся для нее свой собственный художник, который снимал бы ее просто так, не для конкретной рекламы... Просто красивые снимки... но такого не нашлось.

– Ну надо же... – Надежда покачала головой.

– Это я вам пытаюсь объяснить, что до встречи с Люськой Карина была в почти отчаянном положении. С карьерой фотомодели ничего не вышло. Для дефиле у нее рост маловат, да и вес чуть лишний. Пробовала худеть – пропал весь шарм. Попыталась она пробиться на телевидение – не вышло. Удалось ей добиться каких-то мелких эпизодических ролей в проходных сериалах, и не больше. Так она и перебивалась с хлеба на квас, любовники и то попадались какие-то несерьезные. Впрочем, про любовников я не в курсе, к тому времени она уже у нас в агентстве давно не появлялась. И тут вдруг – судьбоносная встреча. Люська у нас мужчина страстный, опять же язык подвешен, кого хочешь может убедить в своей правоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.